

А.И. Уткин

РАКУРСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

¹ *The National Interest*. 1999. Spring. P. 9.

Процесс слияния национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на новых условиях перемещения капитала, информационной открытости мира, на коммуникационном сближении, планетарной научной и технологической революциях, межнациональных социальных движениях, новых видах транспорта, на реализации телекоммуникационных технологий, интернационализации образования – все это и еще многое подобное называют сегодня словом «глобализация». Уже сам этот термин – «мощный инструмент убеждения, риторический прием, которому – в отличие от различных явлений внутренней политики – не существует противодействия»¹.

К истории вопроса

Разумеется, вся мировая история – это совокупность и медленных, и быстрых шагов государств и народов в направлении глобального сближения. Революционно быстро это сближение происходило лишь дважды.

В первый раз – на рубеже XIX и XX вв. благодаря пароходу, телефону и конвейеру. Теоретики первой волны глобализации Р.Кобден и Дж.Брайт убедили многих в том, что свободная торговля необратимо подстегнет всемирный экономический рост, приведет к невиданному процветанию, основанному на взаимозависимости. Вот тогда-то народы и забудут о распрях. Британия со всем своим морским, индустриальным и финансовым могуществом стала гарантом этой первой волны глобализации, осуществляя контроль над главными артериями перевозок товаров – морями и океанами, обеспечивая стабильность международных финансовых расчетов при помощи фунта стерлингов и Английского банка.

Идея благотворного воздействия глобализации на склонную к конфликтам мировую среду наиболее убедительно прозвучала в книге Н.Эйнджела «Великая иллюзия» (1909). В ней – за пять лет до начала Первой мировой войны – автор аргументировал невозможность глобальных конфликтов в экономически взаимозависимом мире: перед 1914 г. Британия и Германия (основные внешнеполитические антагонисты) являлись вторыми по значимости торговыми партнерами друг друга – и это при том, что на их внешнюю торговлю приходилось 52% и 38% валового национального продукта, соответственно. Но в августе 1914 г. предсказание необратимости глобального сближения наций продемонстрировало свою несостоятельность. Первая мировая война остановила сближение

наций. Выгоды глобализации уступили место геополитике, стратегическим расчетам, историческим счетам, уязвленной гордости, страху перед зависимостью. Скажем, российское правительство посчитало нужным специально указать на губительность исключительной зависимости России от торговли с Германией (на которую приходилось 50% российской торговли).

Лишь в последние десятилетия XX в., после двух мировых войн, великой депрессии и многочисленных экспериментов, направленных на противостояние социальных систем, либеральный экономический порядок, созданный в XIX в., стал возвращаться в мировую практику. В соревновании с плановой экономикой рыночная победила и теперь завоевывает весь мир.

Второе рождение (или возрождение) глобализации началось в конце 1970-х годов – тогда произошла революция в совершенствовании средств доставки ракет глобального радиуса действия, в информатике, телекоммуникациях, цифровых технологиях. За последние 30 лет реактивная авиация сблизил континенты, а мощь общего числа всех компьютеров удваивалась в среднем в течение 18 месяцев. Объем информации на каждом квадратном сантиметре дисков увеличивался на 60% в год, начиная с 1991 г. В результате стоимость распространения информации сократилась кардинально, и ныне огромные ее объемы могут быть перенесены с помощью телефона, оптического кабеля и радиосигналов в любую точку земного шара. Это революционным образом действует на экономический рост.

Стал очевидным новый характер глобализационных процессов. Скажем, британский концерн «Юнилевер», имеющий 500 подчиненных компаний в 75 странах, или базирующийся на США «Эксон», 75% доходов которого получают не в США, могут быть названы национальными компаниями лишь условно. Транснациональные корпорации и неправительственные организации стали с невиданной прежде легкостью пересекать границы государств, они подчинили себе население менее развитых стран, поскольку национальные правительства не могут справиться с проблемами, порожденными растущей взаимозависимостью. Капитал как бы «позабыл» о своей национальной принадлежности, в массовых объемах бросаясь туда, где благодаря стабильности и высокой эффективности труда достигается максимальная прибыль. Банки, трастовые фирмы, промышленные компании вышли из-под опеки национальных правительств, переток капитала стал самодовлеющим процессом. Согласно данным, оглашенным на Конференции ООН по торговле и развитию (май 2000 г.), в 1999 г. общая сумма слияний между фирмами различных стран и поглощений местных фирм иностранными составила 720 млрд. долл. Связки типа «Крайслер-Бенц» или «Рено-Вольво» стали своего рода знаменем времени. Стоимость товаров, производимых на зарубежных филиалах, – 5 трлн. долл.

Наступил второй, современный этап глобализации. К началу XXI в. заключены многочисленные международные соглашения об информационной технологии, телекоммуникациях и финансовых услугах, создана Всемирная торговая организация. Главное: стратегией многих стран – начиная с гиганта США – стало снятие барьеров на пути перемещения капитала и торговых потоков. Целый ряд стран («азиатские тигры» и др.) оказался способным удивительно эффективно совмещать высокие технологии с относительно дешевой рабочей силой, что привело к быстрому экономическому росту в условиях облегченного взаимобмена. Короче говоря, в экономическом смысле рядом с Северной Атлантикой встала Восточная Азия.

На втором этапе глобализации ее опора – Соединенные Штаты. Рассекреченный в 1998 г. американский проект «Стратегии национальной безопасности для нового столетия» утверждал: «Мы должны расширять нашу внешнюю торговлю для поддержания экономического роста дома». Мир заинтересован, словами М.Олбрайт, ради собственного процветания «открыться нашему экспорту, инвестициям и идеям».

В американской столице сформировался так называемый «вашингтонский консенсус» – соглашение между министерством финансов, Международным валютным фондом и Мировым банком о совместном преодолении препятствий на пути к общемировой торговле. США используют свой военный и экономический вес, фактическую гегемонию ради создания новой мировой экономики, многосторонних международных институтов, активно участвуя в переговорах, открывая собственный рынок для импорта, всячески содействуя либерализации торговли.

Практически глобализация – это уменьшение барьеров между различными экономиками. Еще три десятилетия назад торговля давала Соединенным Штатам примерно 4% их валового национального продукта, а к новому тысячелетию – более 10%. Интеграция Европы способствовала возникновению Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и Азиатско-Тихоокеанской экономической кооперации (АСТЭС). Существует договоренность о создании между странами – членами Азиатско-Тихоокеанской экономической кооперации зоны свободной торговли к 2010 г., а к 2020 г. – между всеми странами региона. При этом азиатский кризис 1998 г. не повлиял на решение восточноазиатских стран снять барьеры к 2020 г. Американские геостратеги и геоэкономисты приступили к решению задачи экономического сближения с Западной Европой (они утверждают, что создание свободной зоны между США и ЕС увеличит ВВП обоих регионов как минимум на 0,5%²).

Глобализация – это процессы, регулируемые рынком, а не государствами. Чтобы привлечь желанный капитал и надеяться на эффективность приложения к собственной экономике современных технологий, государства должны заковать себя в «золотой корсет» сбалансированного бюджета, приватизации экономики, открытости инвестициям и рыночным потокам, стабильной валюты. Глобализация означает гомогени-

² Steinberg R.
Reconciling
Transatlanticism and
Multilateralism // The
United States and
Europe in the Global
Arena/ Burwell F.,
Daalder I. (eds).
L., 1999. P. 224.

защиту жизни: цены, продукты, уровень и качество здравоохранения, уровень доходов, процентные банковские ставки приобретают тенденцию к выравниванию на мировом уровне. Меняются не только функции мировой экономики, но и ее структура. Набирает силу процесс, невероятный по мощи воздействия на человечество, генерирующий трансконтинентальные и межрегиональные потоки, создающий глобальную по своему масштабу взаимозависимость.

Но мировая экономика не просто становится взаимозависимой, она интегрируется в практически единое целое. Различие между взаимозависимой экономикой и экономикой глобализированной – качественное. Речь идет не только о возросших объемах торговых потоков, но и о таком мировом рынке, который выглядит как рынок единого государства. Глобализация трансформирует внутренние социальные отношения, жестко дисциплинирует все «особенное», требующее «снисходительного» отношения и общественной опеки, она разрушает культурные табу, жестоко отсекает всякий партикуляризм, безжалостно наказывает неэффективность и поощряет успех.

Инвестиции ТНК возрастут к 2020 г. приблизительно в четыре раза и достигнут 800 млрд. долл. Значительно увеличится стоимость товаров, произведенных на зарубежных филиалах транснациональных корпораций (до 20 трлн. долл.). Возникнет единая международная система, ее ценностные приоритеты – технологические новшества, позитивные перемены. Центром усилий в XXI в. станут образование, развитие инфраструктуры, занятие конкурентоспособных позиций на мировом рынке информатики, микроэлектроники, биотехнологии, телекоммуникаций, космической техники, компьютеров – привнесение новаций, модернизация как константа национальной жизни.

Глобализация заставляет правительства гармонизировать национальную экономическую политику с потребностями и пожеланиями соседей и потенциальных конкурентов. В обстановке интенсивной конкуренции, когда ускоряется движение потоков капиталов, лишь немногие страны могут позволить себе до определенной степени независимую валютную политику и экономическую самодостаточность. Создание Экономического и валютного союза в мае 1998 г. отражает усилия Европейского Союза укрепить взаимопонимание. «Было бы близоруким, – считает американский исследователь де Сантис, – отрицать то, что глобализация придает Европе новый динамизм. Она не только порождает энтузиазм среди бизнеса и консервативного политического сообщества, но и заставляет левых пересматривать свою социальную политику, подобно тому, как это делает британская лейбористская партия»³.

Возможно, самым важным является то, что прежняя система международного разделения труда, основанная на отношениях между «развитой индустриальной основой мира», полупериферией индустриализирующихся экономик и периферией неразвитых стран, изменяется в сторону единой глобальной экономики, в которой доминирует «глобальная триада»: Северная Америка, ЕС и Восточная/Западная

³ Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century //World Policy Journal. 1998/99. Winter. P. 45.

Азия. Здесь размещены главные производительные силы мира и «мега-рынки» мировой глобальной экономики, в которой центральную роль играют транснациональные корпорации.

В связи с этим важно отметить заинтересованность в глобализации прежде всего лидеров мировой экономики – 30 государств-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в которых живет чуть больше 1/10 человечества, но которые владеют 2/3 мировой экономики, международной банковской системой, доминируют на рынке капиталов и в наиболее технически развитом производстве. Они обладают возможностью вмешательства практически в любой точке земного шара, контролируют международные коммуникации, производят наиболее сложные технологические разработки, определяют процесс технического образования.

**Основные
теоретические
посылки**

Пришедшая на смену холодной войне глобализация – это новая система мирового экономического хозяйствования. Идеологи глобализации утверждают, что ее остановить невозможно. Они указывают на крах социалистических экономик, на процветание свободного рынка в Китае, на кризис шведской социал-демократической модели и утверждают, что Америка нашла способ решения проблем современной технологической эпохи. Этот способ – открытие национальных рынков частным компаниям, эффективно действующим на мировом уровне, передача регулирующих функций государства частному капиталу.

Идеологи глобализации безотносительно к западной модели общества указывают на два непреложных правила: совмещение в едином рынке чаще всего приносит пользу каждой стране; в результате подъема производительных сил, роста доходов и конкуренции победители и побежденные есть в каждой стране.

Возможно, самая большая мировая проблема – соотношение глобализации с вестернизацией. Строго говоря, это вопрос о сущности модернизации. Здесь сформировались два подхода.

Первый исходит из того, что глобализация – процесс более широкий, чем вестернизация, она практически равна модернизации. Таковой точки зрения придерживаются А.Гидденс, Р.Робертсон, М.Олброу, У.Конноли⁴.

Второй подход: глобализация представляет собой просто-напросто глобальную диффузию западного модернизма, то есть расширенную вестернизацию, распространение западного капитализма и западных институтов. Его разделяют, прежде всего, С.Амин и Л.Бентон⁵. По мнению американского теоретика Н.Глейзера, глобализация – это «распространение во всемирном масштабе регулируемой Западом информации и средств развлечения, которые оказывают соответствующий эффект на ценности тех мест, куда эта информация проникает... Когда мы говорим о «глобализации культур», мы имеем в виду влияние культуры западной цивилизации, в особенности Америки, на все прочие цивилизации мира»⁶.

⁴ Giddens A. *Modernity and Self-identity*. Cambridge, 1991; Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. L.; Albrow M. *The Global Age*. Cambridge, 1996; Connolly W. E. *The Ethos of Pluralization*. Minneapolis, 1996.

⁵ Amin S. *Capitalism in the Age of Globalization*. L., 1997; Benton L. *From the world systems perspective to institutional world history: culture and economy in global theory* // *Journal of World History*. 1996. N 7.

⁶ Glazer N. *Two Cheers for «Asian Values»* // *The National Interest*. 1999. Fall. P. 27.

Между двумя этими школами ведется ожесточенная полемика. Главная проблема в том, может ли незападный мир вступить в фазу глобализации, не вестернизировавшись, не отказавшись от своей культуры?

Кто прав в споре о модернизации? Конечно, глобализация приведет к консолидации мира на условиях наиболее развитой его части. Американские теоретики Дж.Модельски и У.Томпсон утверждают, что после 2000 г. произойдет «реконфигурация союза демократий вокруг твердого ядра – Соединенных Штатов и Европейского Союза. Это ядро будет расширено посредством увеличения членства в НАТО и в Европейском Союзе, принятия России в «семерку», включения в Организацию экономического сотрудничества и развития Мексики, Польши и Южной Кореи... Другие регионы, прежде, чем присоединиться, должны будут пройти определенный путь... Партнерство США – ЕС будет главным основанием глобализованного мирового порядка в XXI в.»⁷.

Анализ глобализации требует ответа на вопрос: в какой степени революционным, рвущим связи с прежними традициями является сегодняшнее переустройство мира. Среди апологетов глобализации выделились два подхода: *революционный* и *эволюционный*. Им противостоит группа *скептически* настроенных в отношении глобализации теоретиков. Проследим отличия этих *трех школ* на основе сопоставления их взглядов по основным оценочным моментам (табл. 1).

⁷ Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach // International Studies Review. 1999. Summer. N 1. P.131.

Таблица 1 Три взгляда на глобализацию

	Революционный подход	Эволюционный подход	Скептический подход
Новое	Наступление глобальной эры	Беспрецедентный уровень глобализации	Формирование торговых блоков, более слабое глобальное управление, чем в предшествующее время
Главные черты	Глобальный капитализм, управление в глобальных масштабах	Интенсивная и экстенсивная глобализация	Менее взаимозависимый, чем в 1890-х годах, мир
Мошь национальных правительств	Ослабевающая и распадающаяся	Пересмотренная, реконструированная	Укрепившаяся и преумноженная
Движущие силы глобализации	Свободный капитал и новая технология	Движение к модернизации своего общества	Государственные механизмы и рыночные структуры
Вид стратификации	Эрозия старых иерархий	Новая архитектура мирового порядка	Усилившаяся маргинализация Юга
Доминирующий мотив	Стандартизация: Макдональдс, Мадонна и др.	Трансформация политического сообщества	Реализация национальных интересов

Таблица 1 Три взгляда на глобализацию (продолжение)

	Революционный подход	Эволюционный подход	Скептический подход
Концептуализация глобализации	Пересмотр природы человеческих действий	Пересмотр межрегиональных отношений	Интернационализация и регионализация
Историческая траектория	Глобальная цивилизация	Глобальная интеграция и одновременная фрагментация	Региональные блоки, столкновение цивилизаций
Суммарный тезис	Окончание исторической релевантности нации-государства	Осуществляется трансформация государственной мощи и мировой политики	Интернационализация вступает в зависимость от согласия государств и от мирового соотношения сил

Источник: Held D. a. o. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture.* Cambridge. 1999. P 10.

Сторонники *революционных перемен* считают, что простая взаимозависимость стала сложной, она связывает экономические и политические интересы настолько плотно, что конфликт крупных держав теперь уже действительно исключен. Теоретический прорыв в этом направлении совершил в 1990 г. японец Кеничи Омае, утверждавший в работе «Мир без границ», что люди, фирмы, рынки увеличивают свое значение, а прерогативы государств ослабевают, в новой эре глобализации «традиционные нации-государства теряют свои свойства, становятся непригодными в качестве партнеров в бизнесе»⁸. В глобализации видится источник процветания, умиротворения, путь достижения необходимого жизненного уровня, социальной стабильности, политической значимости. Глобализационная волна пройдет по раундам мировых торговых переговоров, она обусловит новые отношения к введению торговых ограничений, квот, тарифов, субсидий для своей промышленности.

Сторонники ускоренной и безграничной глобализации видят только в ней способ сблизить богатую (западную) часть мира с бедной. Имеется в виду, что бедные страны сумеют найти свою нишу в мировом производстве, опираясь не на косные правительства, а на чувствительные к переменам и нововведениям частные компании.

Экономическая логика в ее неолиберальном варианте требует денационализации экономики посредством создания транснациональных сетей производства, торговли и финансов. С ультраглобалистской точки зрения прежнее противопоставление Севера Югу теряет смысл. Двумя новыми полюсами станут «победители» и «побежденные» в мировом экономическом процессе. И при этом почти все страны получают благоприятную возможность производить товары длительного пользования.

⁸ Ohmae K. *The Borderless World. L., 1990; Ohmae K. The End of the Nation State. N. Y., 1995. P. 5.*

Гиперглобализм представляет глобализацию будущего как фундаментальную реконструкцию всей системы человеческих действий. Как и столетием ранее, появились оптимисты: экономический взаимобмен столь важен и ценен для отдельных стран, что о военном конфликте с их участием нельзя и помыслить. Так, скажем, американец М.Дойл полагает, что необратимая взаимозависимость – а с нею и абсолютное господство либеральной демократии, исключающей войны, наступит несколько позже – между 2050–2100 годами⁹.

⁹ Doyle M. *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism*. N. Y., 1997. P. 480–481.

Сторонники *эволюционного подхода*, во главе с учеными-теоретиками первой величины Дж.Розенау и А.Гидденсом, считают современную форму глобализации исторически беспрецедентной. Это направление требует от государств и обществ постепенной адаптации к более взаимозависимому и в то же время в высшей степени нестабильному миру¹⁰, характеризующемуся неизбежными социальными и политическими переменами, совокупность которых составит суть развития современных обществ и мирового порядка. Глобализация – мощная, трансформирующая мир сила, ответственная за массовую эволюцию обществ и экономик, за изменение форм правления и всего мирового порядка. Она постепенно стирает различия между отечественным и иностранным, между внутренними и внешними проблемами. Дж.Розенау указывает на создание в традиционном обществе нового политического, экономического и социального пространства, к которому должны на макроуровне приспособляться государства, а на местном уровне – локальные общины.

¹⁰ Rosenau J. *Along the Domestic-Foreign Frontier*. Cambridge, 1997; Giddens A. *Globalization: a keynote address*. UNRISD News, 1996. P.15.

Но сторонники эволюционного подхода (в отличие от радикалов) отказываются определять направление охватившего мир процесса, сутью которого являются непредсказуемые изменения, влекущие к новым противоречиям. Они видят в глобализации долговременное явление и не претендуют на знание траектории мирового развития, считая пустым делом предсказание параметров грядущего мира, определение потребностей мирового рынка или исчерпывающую характеристику возникающей мировой цивилизации.

Глобализация ассоциируется у них с формированием новой мировой стратификации, когда некоторые страны постепенно, но прочно войдут в «око тайфуна» – в центр мирового развития, в то время как другие безнадежно маргинализируются. Но и при явном отрыве одних стран от других не будет деления на «первый» и «третий» мир, оно станет сложнее. По существу все три мира будут присутствовать в почти каждом большом городе в качестве «трех окружностей» – богатые, согласные с существующим порядком, и те, кто оказался выброшенным на обочину.

Произойдет радикальное изменение самого понятия мощи и могущества. Суверенные государства сохраняют власть над собственной территорией, но параллельно национальному суверенитету будет расширяться зона влияния международных организаций. «Сложные глобальные системы – от финансовых до экологических – сближают судь-

бу различных общин в отдаленных регионах мира... Носители мощи и подчиненные в системе этой мощи будут явственно отделены друг от друга едва ли не океанами. Современный институт территориально ограниченного правления окажется аномалией по сравнению с транснациональными организациями»¹¹. При этом эволюционисты отрицают революционную, гиперглобалистскую риторику наступления исторического конца государства-нации как института. Их кредо: традиционные концепции государственности изменяются медленно, но постоянно, а суверенность сегодня – нечто меньшее, чем территориально обозначенный барьер, это скорее источник и ресурс отстаивания прав и привилегий в пределах общей политической системы, характеризующейся комплексными транснациональными сетями.

Теоретики обоих апологетических направлений полагают, что глобализация нанесет смертельный удар суверенным государствам. Очевидно, что растущая глобальная экономическая взаимосвязь, – полагает американский ученый Р.Фолк, – «совмещенная с влиянием Интернета и мировых средств связи (особенно телевидения), воспевающих консьюмеризм и обеспечивающих общее и одновременное восприятие новостей, изменит наше представление о мировом порядке фундаментальным образом. Государство утратит доминирующее значение в мире. Усилится воздействие локальных и транснациональных инициатив отдельных групп граждан по всевозможным вопросам местного значения – от строительства дамб до противодействия правительственным репрессиям. Международный порядок, определяемый этими силами, представляет собой переход от мира суверенных территориальных государств к возникающей мировой деревне... В значительной мере социал-демократическая версия сочувствующего гражданам государства заменяется неолиберальным жестоким государством»¹².

Создаются новые формы социальной организации, заменяющие нации-государства. «Глобальный рынок подтачивает основы суверенности, медленно сужает сферу деятельности национальных правительств, оставляя им все меньше пространства для маневра. В то же время глобализация подтачивает демократический контроль. Начинают действовать законы свободного рынка, а не национальных парламентов»¹³.

Журнал «New Republic» предсказывает, что за экономической глобализацией последует политическая, которая доведет дело до создания мирового правительства. Эта точка зрения группы аналитиков, восторженно относящихся к глобализации. Они видят в ней продукт новой технологии, порождающей принудительное следование экономическим интересам: общества должны сделать выбор между модернизацией, открытием экономики и политических систем и старыми битвами по поводу территорий и национальной славы.

Глобалисты убеждены, что история повернула в сторону глобализации. И следует вместо ностальгических воспоминаний об уходя-

¹¹ Sandel M. *Democracy's Discontent*. Cambridge, 1996.

¹² Falk R. *World Orders, Old and New*. // *Current History*. 1999. January. P. 31–33.

¹³ Maynes Ch. W. *America's Fading Commitments*. // *World Policy Journal*. 1999. Summer. P.18.

щем мире ясно очерченных национальных границ и национальных прерогатив обратиться к созданию новой мировой структуры, погребаящей под собой национальные границы. При этом глобализация не всегда «провоцируется сверху», она открывает простор самым разнообразным силам – защитникам окружающей среды, профсоюзам, фермерским организациям, женскому движению и прочим «малым интернационалам», все меньше обращающим внимания на национальные границы.

Идеологи глобализации считают государственные планирование, помощь и содействие актами экономического обскурантизма и ретроградства. Даже для терпящих явный экономический крах государств кейнсианство и «новый курс» президента Рузвельта сегодня табу. «Вашингтонский консенсус» нетерпим к государственному планированию, дирижизму, защите собственной промышленности, не говоря уже о социализме, пусть в самом бледно-розовом его варианте.

Однако не все специалисты согласны с советником президента США по национальной безопасности С.Бергером в том, что президентская стратегия глобализации благоприятна для американского народа и для всего мира. Более того, именно в развитых странах, таких, как США, набирает силу организованная оппозиция – прежде всего со стороны профсоюзов. По мнению председателя международного отдела крупнейшего американского профсоюзного объединения АФТ-КПП Дж.Мазура, «будущее явится полем битвы тех общественных интересов, которые определяют структуру мировой экономики XXI в. Силы, стоящие за глобальными экономическими переменами, выступающие против регулирования, помогающие корпорациям, подрывающие социальные структуры и игнорирующие общественные нужды, – неудержимы»¹⁴.

Скептики утверждают, что интегрированный мир подвергает себя новой опасности – он может оказаться в зависимости от режимов, основанных на насилии, от преступников, от иступленных жертв собственной идеологии или религии. Даже президент Б.Клинтон вынужден был признать, что отдельные группы и отдельные государства «могут отныне вторгаться в жизнь соседей и парализовать их жизненно важные системы, разрушить торговлю, поставить под вопрос благополучие и благосостояние народов, ослабить их возможности функционировать»¹⁵. Отсюда и реакция силовых структур США, которые снисходительно молчат по поводу саморегулирующегося мира и процветания глобализации.

Наиболее яркими критиками глобализации в США являются Р.Барбер, Д.Кортен, Г.Дейли, П.Бьюкенен. В Европе наиболее выдающимся теоретиком контрглобализма стал Дж.Голдсмит¹⁶. Против так называемого «вашингтонского консенсуса» выступили представители семи критических направлений, негативно характеризующих различные аспекты глобализации.

¹⁴ Mazur J. *Labor vs New Internationalism* // *Foreign Affairs*. 2000. January/February. P. 79.

¹⁵ Clinton Bill. *Remarks by the President at the United States Naval Academy Commencement, Annapolis, MD, 1998. May 22.*

¹⁶ Barber R. *Jihad vs McWorld*. N. Y., 1995; Korton D. *When Corporations Rule the World*. West Hartford, 1995; Daly H., Cobb J. *For the Common Good: Redirecting the Economy toward Community, the Environment, and a Sustainable Future*. Boston, 1989; Buchanan P. *The Great Betrayal: How American Sovereignty and Social Justice Are Being Sacrificed to the Gods of the Global Economy*. N. Y., 1998; Sir James Goldsmith. *The Trap*. N. Y., 1994.

Первое направление исходит из того, что мощные современные государства вопреки любой степени глобализации сумеют сохранить собственный силовой и экономический потенциалы, не раствориться в аморфном глобальном конгломерате. При всей важности глобализированного рынка национальная политика, а не «невидимая рука рынка» будет определять экономическое развитие мира. Мы считаем справедливым утверждение американского исследователя К. Уолтса о том, что «правительства и народы готовы пожертвовать своим благополучием, если существует угроза национальным, этническим и религиозным целям»¹⁷.

¹⁷ Waltz K.
*Globalization and
American Power*
// *The National
Interest*. 2000.
Spring. P. 52.

На протяжении всей истории человечества не некие абстрактные экономико-политические интересы, а целенаправленные действия правительств формировали (и формируют) экономико-политические блоки, союзы, ассоциации. Без политической воли, без решения соответствующих правительств не были бы созданы Европейское объединение угля и стали, Европейский Союз, НАФТА, ОПЕК, АС-ТЕС и прочие предтечи глобального рынка. В то же время продолжавшаяся долгие годы интеграция Восточной Европы не предотвратила дезинтеграции Советского Союза и Югославии. Интеграция Северной Атлантики, Западного полушария, Восточной Азии произойдет в случае, если «менее значимые» страны откажутся от национальных амбиций. Рассчитывать на это нереалистично.

Не следует также забывать, что лишь сравнительно небольшие страны импортируют и экспортируют значительную долю своего национального продукта. А крупные государства с большим ВВП производят основную его долю на собственном рынке. Именно поэтому такие страны, как США, Япония, Германия, незначительно зависят от других стран. Они могут позволить себе роскошь самостоятельных действий, имеют несравненно более широкий спектр возможностей и вовсе не обязательно зададутся целью привязать свою экономику к геоэкономическим комплексам, чьи интересы могут не совпадать с их собственными. То есть потенциал независимых национальных стратегий и действий никоим образом не погашен. Глобалисты, говорящие о нераздельной общности мира, опережают события.

Не стоит преувеличивать самостоятельности транснациональных корпораций, практически о каждой из них можно твердо сказать, где ее штаб-квартира, кому она платит налоги, чей флаг приветствует, какое правительство считает своим. Интернациональность, космополитизм крупных компаний – определения, не соответствующие действительности. Среди 100 крупнейших корпораций мира нет ни одной, национальная принадлежность которой была бы не ясна, которая являлась бы исключительно глобальной. Даже технологический уровень корпорации полностью отражает уровень страны принадлежности.

Таково противостояние глобализму на макроуровне, на уровне межгосударственных отношений. Но критика глобализации все более активно спускается и на микроуровень, на уровень отдель-

ных соседских общин, городских и пригородных сообществ. Коммунитаристы видят в глобализации антитезу небольшим соседским общинам, которые, с их точки зрения, являются основой подлинной демократии и охраны прав граждан. Мировые рынки ввиду их колоссальной отдаленности подрывают ответственность граждан – базис, на котором зиждится современная демократия. Выступающий с подобными идеями американский политолог Р.Барбер называет мир глобализации виртуальным миром МакУорлд, который пытается заменить реальный мир фикциями консьюмеристской культуры.

Скептики *второго* направления считают, что уменьшение и даже уничтожение национальной идентичности чреваты колоссальной дестабилизацией отдельных стран и мировой системы в целом. Своим требованием свободного рынка Соединенные Штаты уже привели к социальным взрывам в неведомых им странах. Недавний пример дестабилизации огромной Индонезии, покорно подчинившейся глобалистским требованиям МВФ, впечатляет.

В целом же идея стабилизации, автоматически достигаемой экономикой свободного рынка, – архаична как курьезное наследие рационализма эпохи Просвещения, который уцелел только в Соединенных Штатах. Американский аналитик Д.Каллео полагает, что «стилизованый по-американски глобализм означает однополярный Pax Americana, а не диверсифицированный плюралистический мир, где властью нужно делиться. Разрыв между фиксированным однополярным воображением и растущими плюралистическими тенденциями в реальном мире представляет собой постоянно усугубляющуюся опасность. Эта опасность проявляется в политической линии, которая противопоставляет Америку одновременно России, Китаю и даже Европе»¹⁸.

Фактически США осуществляют «революционный захват» мировой экономики, и любая другая «экономическая цивилизация» подвергается угрозе уничтожения. Этим глобалистским фундаменталистам особенности исторического развития кажутся препятствием к реализации свободной торговли – близорукая оценка процесса модернизации, столь неоднородного и несводимого к единому (глобалистическому) знаменателю.

Скептики *третьего* направления, например, американцы П.Хирст и У.Томпсон, считают глобализацию мифом, направленным на сокрытие конфронтационной реальности международной экономики, представляющей собой жестко сдерживаемый баланс сил трех региональных блоков – Северной Америки, Европы и Восточной Азии (в ареале которых национальные правительства сохраняют прежнюю мощь)¹⁹. Силы рынка отнюдь не вырвались из-под контроля, они зависят от правил, регулируемых национальными правительствами. В реальной жизни правительства вовсе не являются покорными жертвами интернационализации, они – ее творцы, первостепенные по значимости.

¹⁸ Calleo D. *The United States and the Great Powers // World Policy Journal*. 1999. Fall. P. 12.

¹⁹ Hirst P. *The Global Economy: Myths and Realities // International Affairs*. 1997. N 73; Hirst P., Thompson G. *Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. Cambridge, 1996.

²⁰ Keohane R. And Nye J. *Power and Interdependence in the Information Age*// *Foreign Affairs*. 1998. September/October. P. 89.

Глобализация не смягчает, а усиливает мировое неравенство. По мнению американских авторов Р.Кеохане и Дж.Най, «вопреки ожиданиям теоретиков, информационная революция не децентрализовала мировую мощь и не уравнила государства между собой. Она оказала как раз противоположное воздействие»²⁰. Процесс глобализации отнюдь не разрешает проблем неравенства, он не размывает сложившейся к третьему тысячелетию иерархии богатства и бедности. Менее эффективным производителям грозит исчезновение с лица планеты. Не составляет большого труда уже сейчас назвать всемогущих чемпионов глобализации XXI в. и ее деморализованных жертв.

В мире существует и закрепляется мировая иерархия, разительное неравенство, а не некая система всеобщего равного доступа к информации, технологии и эффективности. Все чаще звучит мысль, что будущее глобальной экономики, в которой только Соединенные Штаты и небольшая группа богатых получают преимущества, нестабильно и с экономической, и с политической точек зрения.

Четвертое направление критиков глобализации обращает внимание на внутренние проблемы стран-лидеров, которые самым непосредственным образом страдают от открытия границ конкурентам, способным производить сходные товары с меньшими издержками. В развитых странах уже размышляют над судьбой текстильной промышленности, «дымных» отраслей, на наших глазах перемещающихся в зоны, где защита окружающей среды уступает инстинкту выживания. В таких странах, как Соединенные Штаты, становится очевидным, что игра по правилам глобализации окупаема далеко не для всех производителей, не для всех членов общества.

Миллионы эффективно работающих опускаются на дно общества из-за распада традиционных экономических связей и уменьшения возможностей государства помочь им. Они остаются один на один с социальными пертурбациями, несущими несчастья, голод, болезни. Эти парии глобализованного мира будут вынуждены мигрировать, работать на любых условиях, приносить в жертву будущее своих детей, опускаясь в страшный мир самовывживания. Речь в данном случае идет и о развивающихся, и о развитых странах.

Глобализация встречает отчаянное сопротивление самых разных сил – религиозных фундаменталистов, профсоюзов, культурных традиционалистов. В Сиэтле в 1999 г., на Окинаве в 2000 г. тысячи протестующих выражали свое несогласие с тем, что им видится тупиком общественно-политической мысли, уходом от цивилизации и гуманизма в джунгли первоначального накопления.

Пятое критическое направление возглавляют Я.Бхагвати из Колумбийского университета (Нью-Йорк), П.Крюгман из Массачусетского технологического института и главный экономист Мирового банка Дж.Стиглиц (в эту группу входит и Г.Киссинджер). Они считают, что следует стремиться к системе свободного рынка для товаров, но не капиталов. С этим солидарен и прежний идеолог «шоковой те-

рапии» в России Дж.Сакс из Гарвардского университета. Теперь он наряду с другими решительно критикует МВФ за предписание рецессионной политики, которая вызвала коллапс реальной экономики. Рынки капиталов нестабильны по своей природе и требуют государственного контроля. Некоторые критики из этой плеяды заходят так далеко, что выступают за закрытие МВФ, который, с их точки зрения, своей импровизацией и незнанием местных условий способен вызывать кризисные ситуации.

Сходной точки зрения придерживаются бывший госсекретарь США Дж.Шульц, бывший министр финансов У.Саймон, исследовательский центр Фонд наследия. Даже президент Мирового банка Дж.Волфенсон предпринял шаги, чтобы дистанцироваться от «ортодоксальной» политики Международного валютного фонда, скомпрометированной в ходе азиатско-российского кризиса 1997–1998 гг. Все более громко звучит вопрос: могут ли встать на ноги потрясенные экономики России, Индонезии, Бразилии. В определенной степени возвращается кейнсианская вера в государство как легитимного участника процесса развития, что подрывает основы теорий глобализации.

Особую (*шестую*) позицию занимают американские изоляционисты, представленные, в частности, П.Бьюкененом. Они воспринимают глобализацию как допуск на богатый и справедливый рынок Америки демпинговых товаров из стран с почти рабским трудом, как уход свободного американского капитала (необходимого своей стране) в зоны дешевой рабочей силы, что лишает работы американцев, разрушает экономику, ослабляет в конечном счете международные позиции США. В этом смысле П.Бьюкенен назвал глобализацию «заменой коммунизма» в качестве главного противника Америки.

Враги глобализации справа более всего боятся утраты национального суверенитета. Глобализация видится им едва ли не главным противником религиозных и семейных ценностей, общественной солидарности, нежелательным космополитизмом.

Неоконсерваторы подчеркивают, что Америка – страна с идеалами, а вера ее населения в демократию является наследием американской традиции, которую Г.Моргентау назвал «общенациональным универсализмом». Один из идеологов правых Дж.Муравчик замечает, что «в сообществе наций нет власти более высокой, чем Америка». Как это сопоставить с идеями бессмысленности национального суверенитета и национальных интересов в мире, где господствующую роль играют лишенные национальной принадлежности многонациональные корпорации, не имеющие границ экономические системы и никем не регулируемые глобальные потоки капитала?

Правых в США беспокоит возможность обесценения вооруженных сил: «В чем миссия вооруженных сил, – спрашивает американский исследователь У.Грейдер, – в защите суверенной нации или в охране безликой глобальной экономической системы? Американские войска размещаются за рубежом от лица базирующихся в США мно-

гонациональных компаний или американских граждан? Является ли их главной целью защита американских ценностей или аморальностью рынка?»²¹.

²¹ *World Policy Journal*. 1999. Spring. P. 96.

Седьмое направление противников глобализации – слева – выступает против давящей гражданина эксплуататорской сути частного капитала. Для этих критиков глобализация представляет собой проявление корпоративной силы мирового капитализма.

С точки зрения левых, систему глобального корпоративного управления олицетворяет Всемирная торговая организация (ВТО). Необходимо ограничить и ее деятельность, и функции таких инструментов корпоративного правления, как МВФ и Мировой банк, провозгласить начало эпической битвы за цивилизацию и свободу против варварства и тирании. Борьба маргинализированных левых идеологов с глобализмом возвратила полузабытые термины типа «корпоративное правление». Скептики среди левых (в данном случае Р.Фолк) считают необходимым обнажить «подрывную суть ориентированного на рынок глобализма, который олицетворяется транснациональными корпорациями и банками». В значительной мере вторит этим идеям и И.Валлерстайн: «Выражение «гражданин мира» является очень двусмысленным. Оно используется для сохранения особых привилегий»²².

²² *The National Interest*. 2000. Spring. P. 152–153.

Дж.Мазур указывает на то, что «глобализация создает опасную нестабильность и усугубляет неравенство. Она приносит несчастья слишком многим и помогает слишком немногим... Глобализация объединяет против себя сторонников охраны окружающей среды, адвокатов движения потребителей, активистов движения за гражданские права... Глобализация стала сочетанием все более очевидного неравенства, медленного роста, уменьшающейся заработной платы, которые увеличивают эксцессы в одной отрасли за другой по всему миру»²³.

²³ *Mazur J. Labor's New Internationalism // Foreign Affairs*. 2000. January/February. P. 79.

Дж.Грей полагает, что идеология свободнорыночного фундаментализма не может продержаться долго, поскольку противоречит высшим идеалам, да и интересам большинства государств. К тому же она способна привести в беспорядок весь мир. США ни при каких обстоятельствах не променяют свое глобальное всемогущество на подчинение некоему глобальному (скажем, ооновскому) правительству. Мир находится в начале трагической гоббсианской эры, на протяжении которой анархия рынка и истощение естественных ресурсов приведут к крупным геополитическим конфликтам. Глобальное правительство относилось бы с уважением к различию режимов, особенностям культуры, сложившимся местным экономическим укладам. Огромная сила мировой экономики была бы направлена на службу основным потребностям человека, а не на достижение сверхдоходов несколькими монополиями²⁴.

²⁴ *Gray J. False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. N. Y., 1998.

Глобализацию критикуют прежде всего те, кто призывает реалистически ответить на два вопроса: не страдает ли от нее большинство мирового населения и кому она выгодна. В общем и целом глобализация – не более чем политически востребованная рационализация ортодоксии неолиберальных экономических стратегов.

**Силы,
выступающие
против**

Едва ли можно сомневаться в том, что практически ни одна сфера человеческой деятельности не избежит влияния глобализации. Глобальный охват конкуренции подстегнет производительность труда, поощрит научные разработки, привлечет капитал к зонам социальной стабильности. Но, как у каждого подлинно значимого явления, у глобализации, помимо позитивной, есть очень негативная сторона – стоит лишь обратиться к примерам Мексики, Таиланда, Индонезии.

Глобализация весьма специфически интегрирует мир. Одни интеграционные усилия ведут к искомому объединительному результату, другие обнажают непримиримые противоречия. Есть все признаки того, что дифференциация мирового сообщества не только сохранится, но и получит новые измерения, возможно, более жесткие. Фиксация неравенства (и, еще важнее, отсутствие обнадеживающей альтернативы) в век массовых коммуникаций может очень быстро разжечь пожар несогласия и противостояния.

Самым важным с политической точки зрения является абсолютное доминирование «глобальной триады»: Северной Америки, ЕС и Восточной Азии. Здесь размещены главные производительные силы мира и «мегарынки» мировой глобальной экономики, в которой центральную роль играют глобализированные транснациональные корпорации. Более двух третей торговых и валютных потоков циркулируют между этими тремя центрами, удаляющимися от мировой периферии. Тот, кто не попал в новую систему разделения труда, оказался за пределами мирового развития. «Политический и экономический выбор большинства правительств, – пишет Т.Фридмен, – резко ограничен тем, что в мире существует одна сверхдержава и правит в мире капитализм»²⁵. Эта новая жесткая постановка вопроса является важнейшей отличительной чертой глобализации нашего времени. Лишь примерно десяти развивающимся странам (среди них Турция, Китай, Индия, Таиланд, Индонезия – и нет России, большинства стран Восточной Европы, Латинской Америки, Африки) удалось внедриться в единый глобализированный рынок XXI в.

Не забудем при этом, что глобализация, формируя острова зажиточности даже в Индии, Китае, Мексике, создает покинутый всеми огромный «четвертый мир». И финал драмы не предрешен. Он зависит от человечества в его стремлении не только к эффективности, но и к состраданию, мировой солидарности, гуманизму.

Суммируем основные характеристики глобализирующегося мира.

1. Вопреки снижению барьеров на пути торговых потоков, лишь рынок капиталов является подлинно глобальным. Капитал безо всяких препятствий мигрирует в места наиболее выгодного приложения, исходит он из сейфов богатых стран Севера. Сильные позиции в этом процессе имеют банки, трастовые фирмы, консультативные компании, корпорации северного индустриального полюса.

Строго говоря, глобализация – при всем своем всеобъемлющем названии – затронула лишь северную часть, полосу развитых стран:

²⁵ Friedman Th. *The Lexus and the Olive Tree*. N. Y., 1999.

81% прямых капиталов приходится на северные страны высокого жизненного уровня – Соединенные Штаты, Британию, Германию, Канаду. И концентрация капитала в этих странах увеличилась за четверть века на 12%.

2. Увы, не у каждой страны есть шанс стать частью привилегированного мира. Но практически все государства оказываются под прессом – они должны адаптироваться к вызову глобализации, к уровню наиболее успешных производителей среди частных компаний мира. Глобализацией практически не затронуты Африка, почти вся Латинская Америка, Ближний Восток (за исключением Израиля), огромные просторы Азии.

Глобализация может быть причиной быстрого разорения и ухода на обочину развития вследствие всесокрушающей конкуренции. Под ее влиянием государства становятся объектами резких и быстрых экономических перемен, которые способны в короткие сроки девальвировать легитимность правительств. Люди часто оказываются незащищенными перед набором новых идей, противоположных национальной идеологии. Богатство у владельцев технологии и ресурсов возникает буквально на глазах – но столь же быстро опускаются по шкале благосостояния и могущества те, кто «замешкался», кто не стал жертвовать собственной идентичностью.

3. Между развитыми странами – членами Организации экономического сотрудничества и развития экспорт растет вдвое быстрее, чем в соседних странах. Доля экспорта в 1960 г. составляла в ВВП этих стран в среднем 9,5%, а в 2000 г. – 20%. Американские профсоюзы напоминают, что глобализация вовсе не означает повсеместного расширения торговли. К примеру, доля демократически развивающихся стран упала в общем американском импорте с 53,4% в 1989 г. до 34,9% в 1998 г. В этом потоке доля промышленных товаров уменьшилась за указанный период на 21,6%²⁶.

4. Кажется, что у развивающихся стран появляется шанс. Скажем, между 1990 и 1997 гг. финансовый поток частных средств из развитых стран в развивающиеся увеличился – с 44 млрд. долл. до 244 млрд. Примерно половину этих средств составили прямые инвестиции, что, казалось бы, давало странам-получателям шанс. Но вскоре обнаружилось, что грандиозные суммы уходят так же быстро, как и приходят, как только экономическая ситуация в данной стране начинает терять свою привлекательность. В середине 1997 г. в кратчайшее время западные частные деньги покинули Таиланд, затем Южную Корею, затем Индонезию, вызвав в каждой из этих стран шок национального масштаба. Надо ли говорить, что терпение жестоко эксплуатируемого – и столь легко становящегося жертвой – незападного мира небеспредельно?

Масса населения может, так сказать, воспротивиться жестокой конкурентной борьбе и двинуться в противоположную – обращенную в прошлое – сторону. Вспыхивает традиционалистское восста-

²⁶ *Foreign Affairs*.
2000. May/June.
P.184.

ние против чуждых ценностей (подаваемых как универсальные), против страшного разрыва богатства и бедности, против осквернения традиционных святынь и безразличия к потерпевшим. Уже сейчас жертвами подобной глобализации стали осколки Советского Союза и, во многом, азиатские государства – Китай, Пакистан, Афганистан, Индонезия. «Идентичность, основанная на мифе, языке, религии и культуре, может оказаться недостаточно крепкой для сохранения целостности этих государств перед лицом глобализации», – приходят к заключению американские исследователи Р.Менон и У.Вимбуш²⁷.

²⁷ Menon R., Wimbush E. *Asia in the 21st Century. Power Politics Alive and Well // The National Interest*. 2000. Spring. P. 85.

5. Глобализация требует фактической унификации экономических условий. Но в реальной жизни этого не происходит. Скажем, в период азиатского кризиса 1998–1999 гг. западноевропейские страны страдали прежде всего от высокого уровня безработицы; Китай шел своим путем, а США били рекорды промышленного роста. Что общего между фантастически быстро растущими сборочными линиями и заводами на мексиканской стороне границы с США и теряющими работу «голубыми воротничками» Детройта? Можно смело сказать, что американский конгресс – как и американские профсоюзы – никогда не смиряются с переводом американских капиталов в зоны дешевой рабочей силы таким образом, что это, во-первых, заденет стратегические позиции США, во-вторых, негативно коснется прямых интересов американских производителей, рабочих их компаний – тех избирателей, которые раз в четыре года видят в президентских выборах альтернативу покорному сползанию к безработице (когда рабочие места в массовом порядке начнут «эмигрировать»).

В наиболее индустриально развитом американском обществе к 2020 г. в производительной сфере будет занято значительно меньше 10% общего населения. Эта высокооплачиваемая рабочая сила категорически не заинтересована в переводе американских средств и технологий в страны с дешевой рабочей силой, равно как и в допуске на богатый американский рынок конкурентоспособной продукции из стран, где государство помогает экспортерам, а издержки производства значительно меньше американских.

6. Идеологи глобализации утверждают, что рынок ныне становится глобальным, однако это не подтверждается фактами. Экономически развитые страны остаются ориентированными на внутренние рынки. В Соединенных Штатах почти 90% работающих заняты в экономике и в сфере услуг, которые предназначены для собственного потребления. В трех важнейших экономиках современности – США, ЕС и Японии – на экспорт идет лишь 12% ВВП.

7. В политическом плане торжество глобализма означает поражение левой части политического спектра практически в каждой стране. Левые политические партии еще могут побеждать на выборах и делегировать своих представителей в правительства. Но они уже не могут реализовывать левую политико-экономическую программу.

Кризис левых взглядов и сил, судя по всему, надолго. И это при радикализации их традиционного электората. Сотни миллионов трудящихся оказались жертвами глобальных финансовых шоков, современных информационных технологий, экономических кризисов. При этом явны негативные результаты ускоренной глобализации: растущее неравенство доходов, отсутствие гарантий долговременной занятости, резко возросшая острота конкурентной борьбы – теперь уже в глобальных масштабах. Чувство незащитности, ощущение себя жертвами громадных неподконтрольных процессов, озлобление слепой несправедливостью жизни, ощущение сверхэксплуатации – все это делает глобализацию ареной ожесточенной борьбы. Массовой радикализации может содействовать многомиллионное перемещение сельскохозяйственного населения в мегаполисы XXI в.

8. Как признают западные исследователи, страной, более других выигравшей от мировой глобализации, являются Соединенные Штаты: на протяжении 1990-х годов от роста экспорта ВВП увеличился на 1/3²⁸. Даже когда кризис поразил часть азиатских стран, потоки капитала неустанно стремились на американский финансовый рынок, давая бесценную энергию буму американской индустрии и сельского хозяйства. «Получая наибольшие блага от глобализации, – указывает американский политолог Э.Басевич, – Соединенные Штаты... разрабатывают стратегии продления на будущее американской гегемонии»²⁹.

9. Недооценивается фактор государственности. Государства не могут позволить, чтобы жизнь их граждан попала в зависимость от глобальных экономических процессов, над которыми у них нет контроля. Расходы на образование и медицинское обслуживание в развивающихся странах, решивших открыть свои рынки, будут резко снижены, что увеличит рост безработицы в мире высокой технологии. Мексиканские рабочие, например, войдя в Североамериканскую зону свободной торговли, потеряли после 1994 г. более 25% своей покупательной способности. Удержалось ли допустившее это правительство?

В Европе против глобализации выступают (после краха левых) правые партии – германская Народная партия, австрийская партия Народной свободы, австралийская партия Единой нации. Их радикальные антиподы в развивающихся государствах – такие партии, как Джаната парти в Индии. А союзники – профсоюзы развитых стран, теряющих рабочие места.

Перспективы

Протесты против глобализации в Ситле (на форуме ВТО в ноябре 1999 г.) были интерпретированы как начало противодействия процессу глобализации. Они показали, как несовершенна мировая торговля и насколько уязвима ее будущая всеобщая либерализация. Воинственная американская нетерпимость «оскорбила делегации со всего света и нарушила диалог культур на этой встрече»³⁰. В то же время для представителей банковской, торговой, распределительной сфер сугубо американские интересы начинают растворяться в межнациональных процессах.

²⁸ *Cutter B., Spero J., Tyson L. New World, New Deal. A Democratic approach to Globalization // Foreign Affairs. 2000. March/April. P. 97.*

²⁹ *Bacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalization // National Interest. 1999. Summer. P. 9.*

³⁰ *Runge F., Senauer B.A. Removable Feast // Foreign Affairs. 2000. May/June. P. 39.*

Мир вовсе не вступает, пишет редактор журнала «National Interest» М.Линд, «в эру гармоничной глобальной взаимозависимости и подлинной либеральной демократии. Глобальная конкуренция подстегнет геоэкономическое соревнование, включающее в себя менее богатые, но значительные в военном смысле страны, такие, как Россия, Китай и Индия»³¹. Вопреки всем глобалистским лозунгам огромная часть населения планеты фактически отрезана от современной технологической революции.

³¹ *Strategic Analysis*. 1999. June. P. 366.

Не будем впадать в крайность. Более внушительным – чем плакаты жертв глобализации – аргументом в пользу продолжения этого процесса является тот факт, что, вопреки финансовому кризису 1997–1998 гг., государства мира не повернулись «внутрь», к национальным проблемам, а продолжили движение к некоей мировой экономике, к интеграции в максимально широкий рынок.

Но неизбежно возникнет проблема, и это самый главный вопрос будущего: согласится ли большинство населения в обмен на стабильность и долю участия в мировом прогрессе отдать ключи от национальной судьбы лидерам глобализации. Удовлетворится ли преобладающая часть мирового населения ролью объекта мировой геоэкономики, бес сильного потребителя товаров, создаваемых другими, ролью деградирующего свидетеля подъема немногочисленных лидеров экономического роста? Мировая история знает случаи пассивного смирения, но она же дает образцы активного несогласия с уготованной другими судьбой, образцы восстания против несправедливостей системы, где «победитель получает все», а не занявший призового места лишается геополитической значимости.

Глобализация будет осуществлена лишь в том случае, если, во-первых, мировое сообщество согласится пожертвовать своими отраслями производства в пользу более эффективных производителей из стран-чемпионов; во-вторых, если высокооплачиваемые трудящиеся в развитых странах согласятся допустить на свои рынки товары из стран, где рабочая сила гораздо дешевле и где экспортерам помогают местные государственные структуры. В первом случае «неготовность» к глобализации выражается в возводимых для защиты национальных экономик тарифах на импорт. Во втором – в протесте профсоюзов богатых стран, не готовых отдать рабочие места, а также в недовольстве транснациональными корпорациями, переводящими свои капиталы в зону более дешевого труда (проявления такого протеста были особенно отчетливы в Ситтле на сессии Всемирной торговой организации в 1999 г., на Экономическом форуме в Давосе и на сессии МВФ в Праге в 2000 г.).

Согласится ли мир на господство союза лидеров эффективности из развитых стран и космополитического капитала их финансовых столиц? Как пишут американские исследователи Дж.Модельски и У.Томпсон, «возможность создания глобальной организации вокруг ядра США–ЕС реальна, но не снимает с повестки дня и возможности осуществления в грядущем столетии интенсивной борьбы за лидерство»³².

³² *Modelski G., Tompson W. The Long and Short of Global Politics in the Twenty-first Century: An Evolutionary Approach // International Studies Review*. 1999. Summer. P.109.

В конце концов, в век демократий легитимность любой современной экономической системы должна измеряться качеством жизни, достижимым многими, а не привилегиями меньшинства. Повсюду среди рабочей силы эти обстоятельства вызывают растущую реакцию протеста. Если раньше такие профсоюзы, как АФТ-КПП мыслили «геополитически» в том смысле, что боролись с коммунизмом по всему миру, в начале XXI в. проблемы глобализации стали самоценными. «По мере того, как бизнес принимает глобальные размеры, борясь при этом с профсоюзами, рабочее движение становится все более, а не менее международным»³³.

³³ Mazur J. *Labor's New Internationalism // Foreign Affairs*. 2000. January/February. P. 86.

Глобализация наиболее разрушительна там, где не существует независимых профсоюзов. Трудящимся «южного» пояса систематически отказывается в праве на организацию и заключение коллективных договоров с работодателями, их заработная плата искусственно сдерживается на уровне 1/10 организованного рабочего индустриального Севера. Неудивительно, что большинство этих трудящихся живет за чертой бедности.

Рыночно ориентированная промышленность Латинской Америки, Индонезии, Индии, части Китая и остальной Юго-Восточной Азии способна вовлечь в следующем поколении в глобальный рынок примерно 1,2 млрд. рабочих. Результат немедленно скажется на трудящихся развитых стран – их заработная плата упадет не менее чем на 50%.

По мнению американского исследователя Р.Гилпина, политические основания экономической открытости драматически ослабли за последнее десятилетие, а фактически «взрывное» развитие торговли и инвестиций создало невиданное напряжение глобальных институтов. После всемирно освещенных средствами массовой информации протестов против глобализации в 2000 г., требования противников глобализации не могут более откровенно игнорироваться. Попытки не замечать протеста могут привести лишь к новому подъему изоляционизма в широких масштабах. Это означает, что огромная волна глобализации не сопровождается абсолютно необходимой сменой политических институтов.